

Письменный Евгений Владимирович

СИНХРОННАЯ ДИНАМИКА МИФОЛОГИИ ТЮРЕМНО-ВОРОВСКОЙ СУБКУЛЬТУРЫ

В статье представлен анализ синхронной ситуативной динамики мифологии тюремно-воровской субкультуры, формируемой жёсткими условиями пенитенциарного пространства. Данный вид динамики выражается в генезисе вариативных мифологических моделей, представляемых фольклорными формами, и полиморфных мифологических конструктов.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2012/6-2/37.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2012. № 6 (20): в 2-х ч. Ч. II. С. 151-153. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2012/6-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

УДК 008.001

В статье представлен анализ синхронной ситуативной динамики мифологии тюремно-воровской субкультуры, формируемой жёсткими условиями пенитенциарного пространства. Данный вид динамики выражается в генезисе вариативных мифологических моделей, представляемых фольклорными формами, и полиморфных мифологических конструкторов.

Ключевые слова и фразы: пенитенциарное пространство; тюремно-воровская субкультура; субкультурный миф; мифологизация; динамика мифа; тюремный фольклор; субкультурное арго; полиморфизм.

Евгений Владимирович Письменный

Отдел международных связей

Челябинская государственная академия культуры и искусств

pismennyev@chelcom.ru

СИНХРОННАЯ ДИНАМИКА МИФОЛОГИИ ТЮРЕМНО-ВОРОВСКОЙ СУБКУЛЬТУРЫ©

Российское пенитенциарное пространство, включающее в себя места лишения свободы, обладает специфическими характеристиками, формирующими особый тип субкультуры – тюремно-воровскую субкультуру. Важным конституирующим элементом данной субкультуры выступает мифология, поскольку пенитенциарная среда создаёт благоприятные условия для активизации мифологического сознания, генерирующего и подвергающего дальнейшему осмыслению образы, формирующие основу субкультурного восприятия окружающего мира.

Мифология тюремно-воровской субкультуры не является просто совокупностью застывших форм, которые присутствуют в субкультурной системе сами по себе, она представляет собой неотъемлемую часть субкультурного механизма, активно взаимодействующего с его остальными частями.

Мифология тюремно-воровской субкультуры существует и функционирует в принудительно организованном пространстве, обладающем большой степенью жёсткости, она направлена в том числе на нейтрализацию этой жёсткости. Мифологическое пенитенциарного пространства постоянно сталкивается с жёсткими прагматичными структурами и вынуждено нейтрализовать возникающие противоречия, что происходит посредством создания различных фольклорных форм, формирующих альтернативные, вариативные модели поведения, с течением времени изменяющие и исходный мифологический текст, формирующий субкультурную норму.

В нашем социокультурном пространстве бытует выражение «миф разбился о реальность», но тюремные мифы не разбиваются о реальность тюремной прагматики, они реализуют возможность выхода за пределы субкультурной нормы, в пространство фольклорно отражённой вариации. Ситуативная динамика тюремного мифа обеспечивает арестантам возможность вариативности поведения по отношению к жёстко заданным условиям, некую степень определённой «квазисвободы», к которой стремится сознание, зажатое с одной стороны жёсткой тюремной реальностью, с другой стороны субкультурными нормами, несущими на себе отпечаток жёсткости среды.

Эта ситуативно-обусловленная динамика мифологического лучше всего эксплицируется в такой форме тюремного фольклора как анекдоты.

Существует категория анекдотов, иллюстрирующих наличие противоречий между мифом о касте «блатных», как носителях тюремно-воровских субкультурных ценностей и поборников справедливого тюремного закона, и суровой тюремной реальностью, в которой рецидивисты сплошь и рядом нарушают субкультурные нормы, допуская то, что на тюремно-воровском арго обозначается образной лексемой «беспредел». В одном из подобных анекдотов, имеющем большое количество вариативных форм, обыгрывается ситуация, в которой представитель касты «блатных», получив от арестанта, принадлежащего к касте «мужиков», богатое по тюремным меркам угощение, «в благодарность» предлагает провести в отношении последнего ритуал унижения, предусматривающий акт сексуального насилия, для того, чтобы если «мужик» об этой «благодарности» забудет, то ему «всегда напомнят» [1].

Ситуация, описываемая в анекдоте, с точки зрения представителя тюремной субкультуры характеризуется предельной жестокостью, так как ритуал изнасилования лишает заключённого статуса человека и вытесняет его из сакрального мифологического пространства мест лишения свободы в маргинальные, хтонические области, населённые «чертями», «петухами», «чушками» - предельно негативно маркированными образами.

Данный анекдот создаёт вариативную модель поведения как для представителя касты «блатных», так и для «мужиков». «Блатной» снимает противоречия между предписаниями тюремных субкультурных норм и собственной хищной бандитской природой. «Мужик» получает наглядный урок о том, что не всегда необходимо следовать тюремной традиции, предписывающей делиться тем, что у тебя есть, с тем, у кого ничего нет. Это мудрая традиция, основанная на опыте выживания в предельно жёстких условиях, когда человек, поставленный на грань выживания, получает помощь от сокамерников или из «общака», позволяющую ему выжить. Но эта же суровая реальность, обусловленная неоднородностью, криминогенностью контингента,

отсутствием самых необходимых материальных благ, сама формирует такие ситуации, в которых мифологическое должно проявить вариативность, что и происходит путём создания фольклорной модели.

В качестве экспликации можно привести и фольклорные модели, представленные пословицами и поговорками, создающими вариативное пространство по отношению к существующим субкультурным нормам взаимопомощи и взаимовыручки. «Умри ты сегодня, а я завтра», «Чтоб самому жить, надо других давить» [2, с. 336]. Эти фольклорные тексты создают возможность в жёсткой ситуации выжить, обойдя субкультурную норму, они в некотором смысле легитимируют свой вариант, что, в случае наличия высокой частотности однотипных ситуаций, может привести к образованию большого количества фольклорных моделей, а в результате и к нивелированию самой нормы, к канонизации, сакрализации какого-либо из вариантов.

Ситуативно-обусловленная динамика мифа проявляется также в той сфере мифологического, которая связана с его социализирующей функцией, когда сознание новичка постоянно сталкивается с субкультурными смыслами, и возникающие противоречия обыгрываются в генерируемых текстах фольклорного характера, допускающих несколько более вольную, вариативную трактовку жёстких субкультурных норм и выполняющих социализирующую функцию, обучающих новичка владению субкультурными смыслами.

Например, в пенитенциарном пространстве бытует большое количество анекдотов, основанных на эффекте парадокса, формируемого ситуацией, в которой новичок искажает жёстко нормированный ритуал «прописки», целью которого является выяснение его способности адаптироваться к новой среде обитания. Пройдя ритуал «прописки», новичок получает тот или иной статус в пространстве тюрьмы. «Прописка» состоит из так называемых «приколов», формирующих для новичка необходимость выбора, создающих иллюзию безвыходного положения. Один из вариантов выбора предполагает нанесение вреда здоровью арестанта, например: «вилкой в глаз». Второй вариант предусматривает проведение ритуала унижения; выбирая его, человек определяет себе низкостатусное место в иерархии тюремного мира, навеки выходя из его сакрализованной сферы в маргинальные области, в камере мыслящиеся расположенными в пространстве, не пригодном для жизни – под нарами, на унитазе – «танке» и возле него. Смысл подобного «прикола» заключается в том, что выбирая первый вариант, например, «вилкой в глаз», новичок ничем не рискует, так как вилка в камере нет. В анекдотах подобного типа герой нарушает привычный ритуал, дестабилизируя пространство тюремного мифа. В настоящее время ритуал «прописки» теряет своё каноническое значение, заменяется иными субкультурными формами, что и получает выражение в подобных фольклорных моделях.

Также ситуативная динамика мифа проявляется в тех ситуациях, которые требуют наличия вариантов выражения одного и того же субкультурного смысла с коннотациями, приемлемыми в тех или иных ситуациях, что выражается в такой черте тюремно-воровского мифа как его полиморфность. Жёсткие условия пенитенциарного пространства изобилуют ситуациями, требующими демонстрации вариативных моделей поведения, что, в силу ключевой роли мифологического в формировании субкультуры, требует наличия мифологических конструктов, выражающих одно и то же значение с различными коннотациями в разных ситуациях. Этот вид ситуативной динамики приводит к формированию и развитию синонимических рядов лексем, выражающих одно и то же понятие в различных мифологических интерпретациях.

Например, мифологизация лагерного, тюремного начальства может идти двумя путями. Первый предусматривает формирование образа, обладающего ярко выраженной негативной коннотацией, что выражается в появлении таких мифологем как «барин, бешеный, богдыхан, пастух, рабовладелец, салтычиха, сатрап, стерва, фюрер, хозяин» [3, с. 321]. Эти лексемы формируют образы, обладающие различной степенью негативизма, что обуславливает их употребление в различных ситуациях. Второй способ предусматривает формирование более позитивных образов: «батя, папа, хозяин», которые употребляются в ситуациях, требующих выражения позитивного отношения к начальству, и формируются, зачастую, в ситуациях позитивного общения.

Сообщество заключённых, активно содействующих администрации, образует тюремную касту, презрительно называемую «козлами». Но тюремная жизнь изобилует ситуациями, в которых арестанты получают зависимость от доброй воли и позитивного отношения со стороны этих заключённых и вынуждены избегать употребления хтонического зооморфизма, заменяя его более политкорректными образами, например, «красный» (образ построен на цвете повязки «активиста») либо «вязаный» (снова основой формирования образа становится повязка).

Синхронная ситуативная динамика мифологии тюремно-воровской субкультуры демонстрирует жизненность, активность мифологического в пенитенциарном пространстве, его реальное функционирование в жёсткой среде и наличие в нём живой реакции на ситуативную диверсификацию среды. Это органично формирует у тюремного мифа такие черты как пластичность и полиморфизм.

Список литературы

1. **Ажиппо В.** Исследование природы тюремного анекдота [Электронный ресурс]. URL: <http://www.tyurem.net/books/azhippo/issl.htm> (дата обращения: 28.11.2011).
2. **Поговорки, пословицы, прибаутки, употребляемые в лагерно-блатной речи** // Словарь тюремно-лагерно-блатного жаргона: речевой и графический портрет советской тюрьмы / авторы-составители Д. С. Балдаев, В. К. Белко, И. М. Юсупов. М., 1992. С. 334-341.
3. **Синонимические ряды словаря тюремно-лагерно-блатного жаргона** // Словарь тюремно-лагерно-блатного жаргона: речевой и графический портрет советской тюрьмы / авторы-составители Д. С. Балдаев, В. К. Белко, И. М. Юсупов. М., 1992. С. 304-322.

SYNCHRONOUS DYNAMIC OF PRISON-THIEVISH SUBCULTURE MYTHOLOGY

Evgenii Vladimirovich Pis'mennyi
Department of International Relations
Chelyabinsk State Academy of Culture and Arts
pismennyiev@chelcom.ru

The author presents the analysis of the situational synchronous dynamic of prison-thievish subculture mythology formed by penitentiary space rigid conditions, and substantiates that this type of dynamic is expressed in the genesis of variative mythological models presented by folk forms, and polymorphous mythological constructs.

Key words and phrases: penitentiary space; prison-thievish subculture; subcultural myth; mythologization; myth dynamics; prison folklore; subcultural argot; polymorphism.

УДК 72.03(09)(086.6)

В данной статье рассмотрены особенности жилища основных этнических групп населения Южного Урала XVIII – первой половины XIX в. Проведен анализ национальных архитектурных традиций и их воплощения в конкретных сооружениях по материалам воспоминаний очевидцев и архивных изысканий. Выявлены основные типы переносных и стационарных жилищ по материалу, планировочной композиции и планировке территории усадьбы, а также характерные черты устройства интерьера национальных жилищ этнических групп.

Ключевые слова и фразы: переносные типы жилища; временные и постоянные жилища; жилища башкир и татар; усадьбы марийцев, удмуртов и чувашей; жилые сооружения мордвы и русских; образцовые проекты жилых зданий.

Елена Владимировна Пономаренко, доктор архитектуры, доцент
Научно-исследовательский институт теории и истории архитектуры и градостроительства
Российская академия архитектуры и строительных наук
evron@mail.ru

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ТРАДИЦИИ В ФОРМИРОВАНИИ ЮЖНОУРАЛЬСКОЙ ЖИЛОЙ АРХИТЕКТУРЫ XVIII-XIX ВЕКОВ©

История формирования жилой застройки южноуральских поселений XVIII и большей части XIX века определялась традициями этнических групп населения региона. Эта застройка сочетала многочисленные типы зданий. Принудительное переселение на Южный Урал казаков и крестьян из разных губерний привело к переплетению своеобразных элементов архитектурной культуры часто очень удаленных друг от друга частей России. Эти традиции смешивались с башкирскими. Поэтому в одном поселке можно было встретить и крытые тесом дворы древненовгородского типа с резными наличниками и крышей с резьбой, и южнорусские мазанки.

У кочевых башкир – основного населения края до русской колонизации – были распространены следующие типы переносных и летних жилищ: шалаш, юрта (кибитка), аласык и балаган. Конусообразный шалаш состоял из десяти-двенадцати жердей, воткнутых в землю и связанных вверху. Материал покрытия мог быть разным: трава и сено, солома, хворост, еловые ветки, кора. Внутри шалаша земля покрывалась корой, расстилались половики и тряпье. Помимо кочевьев, шалаши строили и в деревнях, но назначение их было не везде одинаково. Шалаши ставили во дворах и использовали как летнее жилье, как навес над погребом или как летнюю кухню.

Другой тип переносного жилья башкир – решетчатая юрта (кибитка, тэрма). Интерьер юрты имел два центра. Первый центр – очаг, другой своеобразной точкой отсчета внутреннего пространства было место напротив входа, считавшееся наиболее престижным. Там обычно раскладывали на подставке высокую гору разноцветных подушек, узорных войлоков. Внутри юрта разделялась на две части занавеской. Правая от двери часть предназначалась для женщин, большая часть – мужская – служила для приема гостей. Земля устилалась кошмами, половиками, камышовыми циновками. В XIX в. В. М. Черемшанский еще отмечал наличие посреди юрты очага, для которого делалось углубление в земле [5, с. 146]. Позднее очаг в юрте устраивать перестали.

В зимних поселениях существовали простые надворные постройки для скота. «Зимой, когда уже выпадает глубокий снег, для скота своего подле зимней юрты делают небольшие задворки, калды называемые, следующим образом. Ставят 4 столба, между которыми пространство хитят сучьями и колками, а щели затыкают сеном, хворостом и тростником; покрывают их жердями, на который наметывают также хворост» [1, с. 237-238].

Распространены были у башкир и временные жилища прямоугольной формы, например балаганы (аласык). Аласык мог быть стационарным или переносным. Переносной аласык состоял из четырех лубковых